

В. Ю. Григорьев

Независимый исследователь

Екатеринбург, Россия

С. Р. Сычева

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

СОЧИНЕНИЕ Р. С. НЭВИЛЛА «ANTIQUA EXPLORATA»

Публикуемый источник представляет собой перевод на русский язык отчета английского антиквария Р. Невилла об археологических раскопках 1845–1847 гг. римского поселения в окрестностях Одли-Энд графства Эссекс и описание коллекции древностей, находящейся в фамильном замке Нэвиллов – Одли-Энд. Текст впервые публикуется на русском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Ричард Невилл; Британская археологическая ассоциация; Королевский археологический институт; Археологическое общество Эссекса

С в е д е н и я о б а в т о р а х : Григорьев Владислав Юрьевич, независимый исследователь

Сычева Софья Романовна, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; sofyaasytcheva@gmail.com

V. Yu. Grigoriev

Independent researcher

Ekaterinburg, Russia

S. R. Sycheva

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

ESSAY BY R. S. NEVILLE “ANTIQUA EXPLORATA”

The published historical source is a translation into Russian of the report of the English antiquarian R. Neville on the archaeological excavations of 1845–1847 of the Roman settlement in the vicinity of Audley End in Essex and a description of the collection of antiquities that ended up in the Neville family castle – Audley End. The text is published in English for the first time.

Key words : Richard Neville; British Archaeological Association; Royal Archaeological Institute; Essex Archaeological Society

About the authors: Grigoriev Vladislav Yuryevich, Independent Researcher

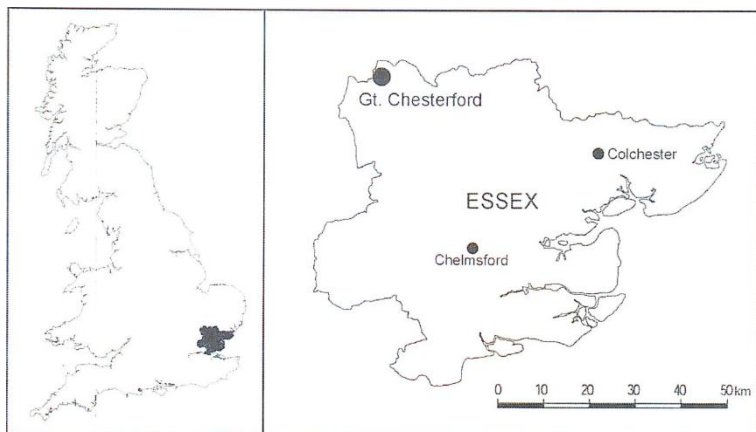
Sycheva Sofia Romanovna, Master's Degree Student of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg

Середина XIX в. в Англии ознаменовалась ощутимым ростом интереса к археологии Британских островов эпохи раннего средневековья. На этой волне выросло влиятельное поколение антиквариетов, историков и археологов. Это Джон Кембл, Эдвард Фриман, Эдвин Гест, Уильям Стаббс и др. Ричард Невилл был одним из них. Он изучал римский лагерь и могильники в Грейт-Честерфорд. Из найденных артефактов сэр Ричард создал частный музей в своем доме в Одли-Энд (*англ.* Audley End) в Эссексе. Но именно публикация результатов его трудов в сочинении «*Antiqua Explorata*» о найденных памятниках римской культуры сделала его раскопки значимыми как среди современников, так и среди последующих поколений ученых.

Сэр Ричард Корнуоллис Невилл, четвертый барон Брейбрук (*англ.* Richard Cornwallis Neville, 4th Baron Braybrooke, 1820–1861), родился в Лондоне, закончил Итон и в 1837 г. был официально зачислен в Гвардейский гренадерский полк. После отставки в 1842 г., благодаря поддержке своей сестры, он смог посвятить себя изучению естественной истории и исследованию римских и саксонских памятников в окрестностях Одли-Энд и в конечном счете занял заметное положение среди археологов-практиков своего времени. Результатом признания его заслуг стало членство в ряде научных сообществ – Общества антиквариетов, Британской археологической ассоциации и др. В 1850 г. сэр Ричард стал вице-президентом Королевского археологического института, созданного в 1844 г., а в 1857 г. был избран президентом Археологического общества Эссекса. Таким образом, к концу своей жизни Ричард Невилл достиг «степеней известных».

Самая замечательная часть его коллекций в поместье Одли-Энд (в настоящее время находится под управлением English Heritage) – это собрание предметов, обнаруженных на территории бывшего римского поселения Грейт-Честерфорд, а также других мест пребывания римлян в окрестностях Одли-Энд. Сэр Ричард, как и многие представители его поколения, ясно осознавал, что работает во времена великих открытий и новых перспектив. *Antiqua Explorata* отражает четкое видение Невиллом ценности его коллекции. Современная английская исследовательница М. Меддикотт дала оценку работ Невилла, а также его последователей (лорд Брейбрук, затем в конце 1940-х гг. Дж. Г. С. Бринсон, а

также раскопки Археологического общества Грейт-Честерфорда в 1970–1990-х гг.) по изучению данного археологического памятника в работе «Римское поселение Грейт-Честерфорд»¹.

Илл. 1. Местоположение Грейт-Честерфорд на карте Англии

Для облегчения восприятия текста Нэвилла приведем данные о современной интерпретации данного археологического памятника. Грейт-Честерфорд расположен на северо-западной границе Эссекса в долине реки Кем. В раннее средневековье это было стратегически важное место, которое контролировало вход на равнину через пролом в низких меловых холмах. Через него проходил ряд важных маршрутов, а также это была граница между кельтскими племенными объединениями триновантов и катувеллаунов. Поселение берет свое начало в позднем железном веке до прихода римлян. Самым ранним свидетельством римского периода является форт, созданный до эпохи Флавиев, который состоит из одного рва и насыпи, охватывающей прямоугольную область площадью около 13,4 га. Неизвестно, был ли форт построен до восстания Боудикки или в ответ на него; однако ясно, что он использовался очень короткое время.

Геофизическое обследование поселения позволило выявить его достаточно большую планировку. В центре находилась большая рыночная

¹ Medlycott M. The Roman Town of Great Chesterford. East anglian archaeology report. No. 137. 2011.

площадь, окруженная каменными зданиями. Это могли быть официальные здания, такие как *mansio* или *macellum*¹. На северной стороне рыночной площади находилось восьмиугольное сооружение, вероятно, храм. Каменные сооружения были обнаружены вдоль главной северной дороги, включая виллу и «налоговую контору». Шесть главных дорог вели на рыночную площадь. Остальная часть территории была разделена переулками, которые образовали регулярную застройку на западной стороне поселения. Большинство зданий были с деревянным каркасом.

Есть некоторые предположения, что поселение было окружено валом и рвом, которые были заменены в конце IV-го в. существенной стеной из кремневого щебня. На участке Восточных ворот было обнаружено несколько сооружений, включая мастерскую по обработке костей, непосредственно примыкавшую к воротам в поселение. Кладбища, окружающие его, демонстрируют изменение практики захоронений, отраженное и в других захоронениях римских поселений. В более поздний период встречаются захоронения, размещенные в направлении восток-запад с небольшим количеством или без погребального инвентаря; возможно, но не доказано, что они могут представлять собой христианские захоронения.

К востоку от поселения находился классический романо-британский квадратный храм, построенный на месте святилища позднего железного века. Он был заключен в огороженную территорию или теменос и сопровождался вторым сооружением, напоминавшим по плану половину храма. Также в огороженной территории находилось несколько очень больших ям, содержащих многочисленные кости жертвенных животных; представлено более 1000 ягнят. Их забивали в январе-марте, апреле, мае и июне-июле, но в середине-конце II в. забой жертвенных животных приходился только на июль.

Судьба поселения в конце римского периода не вполне ясна. Обширное англосаксонское кладбище (450–600 гг.) было раскопано непосредственно к северу от него, и есть некоторые свидетельства того, что люди, использовавшие романо-британские практики погребения, были захоронены здесь же, на этом кладбище. Новая средневековая деревня развивалась уже к югу от главного римского поселения, с церковью, расположенной в углу Второго обнесенного стеной ограждения. Считается, что сама церковь, возможно, возникла как саксонский собор. Сейчас на месте Грейт-Честерфорд располагаются в основном пахотные земли.

¹ Мацеллум или макеллум (лат. *macellum*, мн. ч. *macella*; греч. *μάκελλον* макеллон) – в Древнем Риме здание продовольственного рынка, на территории которого часто располагался храм или эдикула (маленький храм, молельня) со скульптурной композицией религиозного содержания.

Предлагаемый вниманию читателя текст, созданный Ричардом Нэвиллом, отражает уровень знания о данном археологическом памятнике на момент середины XIX в. Данный обзор коллекций древностей Грейт-Честерфорда в Одли-Энд был издан Нэвиллом в 1847 г. и посвящен его бабушке леди Джейн, маркизе Корнуоллис. Издание изобилует зарисовками древностей, часть из которых приводится в данной публикации. Текст на русском языке публикуется впервые.

ANTIQUA EXPLORATA,
РЕЗУЛЬТАТ РАСКОПОК, ПРОВЕДЕННЫХ ДОСТОПОЧТЕННЫМ
Р. С. НЭВИЛЛОМ В ЗИМЫ 1845 И 1846 ГГ. И ВЕСНОЙ 1847 ГГ.
НА ТЕРРИТОРИИ И В ОКРЕСТНОСТЯХ РИМСКОГО ГАРНИЗОНА
В ЧЕСТЕРФОРДЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ В РАЙОНЕ ОДЛИ ЭНД

Благороднейшей
Маркизе Корнуоллис

То неизменное внимание, которое вы оказываете моей коллекции древностей, находит в ней благодарное и практическое доказательство. И с чувством гордости рассказываю я о происхождении моей любви к тому, что для вас давно уже не ново.

Все это, вместе с удовольствием публично сказать о вашем участии, побудило меня отважиться посвятить следующие страницы вам, с уверенностью, что вы будете более чем снисходительны к моему недугу и не столь критичны и строги к ошибкам и несовершенствам, допущенным

вашим любящим внуком
Ричардом Корнуоллисом Нэвиллом.

Предисловие

Издать эти отчеты, периодически приводимые в порядок во время раскопок, меня побудила вера в то, что все обширнее становится изучение древностей, обретая с каждым днем широкую известность в различных кругах.

Мой собственный опыт учит меня ценить то, с какой страстностью относятся теперь к делам давно минувших дней, особенно когда они подтверждаются заслуживающим доверия свидетельством, как в настоящем случае.

Одли Энд
12 февраля 1847 г.

ANTIQUA EXPLORATA

Большинство читателей, вероятно, не знакомы с окрестностями Честерфорда, поэтому полагаю, что, прежде чем приступить к предмету изложения, не помешает дать некоторые разъяснения по поводу местности. Расположена она в сорока четырех милях от Лондона и одиннадцати от Кембриджа, где ясно различимы основания обнесенного крепостной стеной лагеря, с одной стороны ограниченного рекой Кем. Его давно уже признали римским гарнизоном, – по моему мнению, одним из самых известных – сходных с Ицеанумом (Iceanum), о котором пишет Хорсли (*англ.* Horsley) [5]. Это предположение подтверждается его непосредственной близостью к землям ицен, которые, как я полагаю, начинались в миле от деревни Иклтон (Ickleton). Говорят, что она и получила свое имя от этих древних обитателей. По множеству разнообразных остатков всех эпох, которые находили прежде и все еще находят теперь, включая предметы домашнего обихода, вооружения и погребального инвентаря, видно, что лагерь этот очень древний, один из тех, что римляне основали во время первого вторжения, оставаясь там до самого своего ухода из Британии. Мы можем выразить лишь сожаление (антиквариям) по поводу разрушения самых ценных следов, которые остались незафиксированными. Должно быть, это произошло во время строительства современного поселения. Отсутствие записей можно объяснить двумя причинами: крайнее невежество и суеверие жителей, равно как и то обстоятельство, что, как только находилась истинно ценная вещь, она немедленно присваивалась нашедшим и все следы ее скрывались или утаивались, как мы и покажем позже. Предание свидетельствует о том, что такие вещи существовали и считались весьма ценными. Неясные сообщения дошли до нас о находке золота и сокровищ, но я никогда не получал сколько-нибудь определенных доказательств по этому поводу. Тому, что саксы следовали за римлянами, мы имеем немало доказательств. В самом деле, это интереснейшее место также обнаруживает следы норманнов и англичан. Так, каждое последующее столетие оставляет нам осязаемое свидетельство движения времени и хода событий, следование которых можно увидеть в следующем списке.

1. Золотая монета ранних бриттов. Владелец – миссис О. Эдвардз, Честерфорд.

2. Несколько небольших медных монет Кунобелина, найденных рабочими, которых я нанял. Три из них чрезвычайно интересны и доселе не упоминались в печати.

Монета Вильгельма Завоевателя, найденная, я полагаю, несколько позже.

Шпора XII в. с церковного кладбища. В моей коллекции.

Монеты Генриха III и Эдуарда I. Также принадлежат мне.

Обожженная черепица, предположительно относится к XIV в., принадлежит лорду Чарльзу Херви, найдена в приходском саду.

Монеты Генриха VIII и Эдуарда VI. Хранятся в моем кабинете.

Сюда же можем добавить монеты Якова I, обоих Карлов, Якова II, Вильгельма III и Марии, и королевы Анны. Включая множество серебряных денариев и медных монет первой, второй и третьей группы поздних императоров, все будут представлены соответственно.

Среди манускриптов мистера Коула (Cole), хранящихся в Британском музее, есть статья с записями церкви в Честерфорде, где он цитирует, ссылаясь на авторитет мистера Эшби (Ashby), одного из первых антиквариев своего времени, следующее свидетельство, прямо подтверждающее вышеизложенное, что некогда был найден клад, а затем спрятан. Запись датирована 18 декабря 1769 г.:

Мистер Эшби, из Сент-Джон колледж в Кембридже, вызвал меня сегодня и поведал мне о неких древностях, что обнаружены в Честерфорде во время раскопок древнеримских укреплений, проводившихся во время ремонта дороги.

Он рассказал мне, что получил эти сведения от Мистера Шепарда из Бордо (близ Честерфорда), образованного фермера: «Прекрасное красное блюдо из ярко-красной глины, чрезвычайно гладкое, внутри круга надпись 'A R I L I S: F: ', очень тонкой работы. Обнаружили его вместе с множеством других фрагментов, с овечьими костями на дне ямы глубиной, по меньшей мере, в десять футов. Сверху ямы лежал скелет. Около семи лет назад на осевшей дороге¹, что ведет из Честерфорда в Стрэтхолл, было найдено золотое изделие, весом в восемь фунтов, формой напоминающее конский мундштук, приблизительно оцененное в 500–600 фунтов стерлингов мельником, который был столь счастлив своей находкой, что позднее вместе с ней и исчез. Большой конский мундштук, отлитый из бронзы, величиной и толщиной с мою руку, был позолочен». Бронзовая ложка, почти плоская, с перегородкой у ручки, чтобы она не уходила дальше зубов, с маленькой ручкой, длиной около пяти дюймов; шесть или семь небольших черных урн, одна из них стояла над целым скелетом; другая – большего размера, в ней находились обгорелые кости, что были небрежно выброшены – так урны лишились своего содержимого, другие урны были белого цвета, высотой

¹ *Англ.* Sunken lane, hollow road. Затонувшая полоса, дорога или колея, значительно ниже уровня земли по обе стороны от нее, образовавшаяся из-за эрозии почвы.

два дюйма. Бронзовая голова, размером с дюйм, в шлеме, в верхней части которого было проделано сквозное отверстие, чтобы его можно было подвесить: полая, высотой в два дюйма. Бронзовая фибула. Бронзовая булавка, шесть дюймов длиной, с маленькой головкой, образованной двумя кругами снизу. Серебряные денариш, шестнадцать или двадцать два, мелкие серебряные монеты: Веспасиана, Трояна, Адриана, Вера, Луцилла, Грасиана, Валента. Двенадцать больших медных Домициана, – реверс, Jovi Victory, Сидящий Юпитер. Шесть среднего размера Imp: Caes: Cvibus Trebonianus или Imp: Caes: Cvib: Treb: Gallus: Аух: Десять или двенадцать лет назад был найден большой горшок, полный мелких серебряных монет, которые все еще находятся у меня: различные Фаустины, Вителлии, Антонины Пии и т. д. А примерно четыре или пять лет назад нынешний мельник из этого города копал поблизости и наткнулся на большой горшок, полный золотых колец. Он, не испытывая никаких угрызений совести, продал все из алчности ювелиру в Лондоне для переплавки, куда отправился специально, и получил от того, по его же словам, 200 фунтов стерлингов. Цена, без сомнения, была занижена для того, кто знал только то, что ювелир соизволил сказать ему об их цене. Некоторые считают, что эти кольца носила на запястьях римская знать. Многие из домов в деревне все еще облицованы римским кирпичом, а фундамент укрепления каждый день растаскивают для мощения дорог, так что через несколько лет от него ничего не останется.

Так заканчивается сей интересный документ, а заключительное замечание ежедневно находит более чем достаточное подтверждение – это естественный результат течения времени и любви к разрушению, глубоко укорененной в природе человеческой.

Хоть я и признаю, что доктор Стакли¹, писавший в 1719 г., более не считается авторитетом, я, подтвердив собственным опытом, достаточным, чтобы быть уверенным в истинности его наблюдений, поместил здесь копию его плана римского гарнизона в Честерфорде, или как он называл его, Camboritum. Здание с северо-западной стороны обозначено «Templi Umbra», у меня есть основания полагать, что это остаток укрепления, который, как пишет Хорсли, изначально был построен римлянами, но позднее занят саксами после ухода из страны первых его строителей. Проверить это лично я не смог ввиду препятствий, возникших из-за владельца большей части прихода. Он, к сожалению, отказывается исследовать какую-либо часть фермы самостоятельно, равно как

¹ Англ. William Stuckley, в отечественных изданиях – Стукли, Стюкли.

и давать разрешение на это другим. Хотя, без сомнения, это помогло бы пролить свет на многие вопросы, касающиеся обитателей этого древнего лагеря. Но достаточно об этом: можно лишь добавить, что большая часть данного интереснейшего места остается в результате непаханным полем для более удачливого поколения будущих антиквариев. Создавая эти заметки, я не могу не выразить признания за готовность помочь и услужливость, можно даже сказать, страстное желание к содействию, всем и каждому: и здесь, и во всех остальных приходах, куда доселе приводили меня мои изыскания.

И снова процитирую доктора Стакли там, где он, по всей видимости, не может ошибаться: он рассказывает, что более ста лет назад хозяин гостиницы «Краун Инн» (*англ.* Crown Inn) продавал пришлым людям римские медные монеты по четыре пенса за штуку, и отмечает частое их появление. Были они, без сомнения, с Боро филд (*англ.* Brough Field), о котором я писал в своем первом исследовательском эссе и обзором которого я предлагаю начать свое повествование:

Под «Боро Филд» подразумевается действительное местонахождение римского военного лагеря, что размещался внутри стен, основания которых проходят посреди дороги на достаточно большом ее промежутке. Местность была приобретена и использовалась много лет назад как гравийный карьер для ремонта дороги между Лондоном и Ньюмаркетом, теперь, увы! вместо нее пользуются железной дорогой от Кембриджа до Нориджа. Полакра поля занимает бедный, но достойный владелец, который с большой охотой дал разрешение провести исследование там, где еще остались нетронутые места. Посему я незамедлительно приказал рыть траншеи, дав указания рабочим углубить ее до слоя римского времени. Во многих местах земля была раскопана на глубину три или четыре фута и были выкопаны разные ямы, как я назвал их, круглые, глубиной от двух до трех футов. В этих ямах неизменно встречались многочисленные фрагменты керамики и монеты (со стертой поверхностью); и, как ни удивительно, было найдено 372 монеты: в основном медные, третьей группы, но в очень плохом состоянии. Среди них самыми примечательными были две небольшие монеты Кунобелина, где изображена его фигура, и еще две того же самого правителя. Далее следует полное описание результатов этих изысканий.

№ 1. *Аверс*, Голова Кунобелина, справа легенда: 'C v n o b l. R e x.' *Реверс* – бодающий бык, внизу – 'T a s c'. Основная особенность монеты: рельеф очень хорошо различим, особенно на реверсе. Британский музей владеет двумя экземплярами данной монеты, но отсутствует отметка о месте их находки.

№ 2, относительно периода, когда была найдена, но на первом месте по своей необычности, что и разрешает противоречие относительно родословной правителя: теперь можно доказать, что он, вне всяких сомнений, был сыном Таскиована, все прежние толкования слова ‘Tasc:’ на Британских монетах, следовательно, ошибочны. Тем не менее мы должны, справедливости ради, заметить, что данная теория возникла ранее и поддерживалась, полагаем, в основном видным нумизматом Британского музея С. Берчем, Эсквайром (S. Birch, Esq.). Монета на илл. 2 в хорошем состоянии значительно большего размера, чем предыдущая. *Аверс* – голова правителя в шлеме, повернутая вправо; легенда: ‘C v n o: R e x:’. Реверс- Вепрь в Рамке. Легенда: ‘T a s k: F I I:’. Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как упоминавшаяся последней монета была одолжена Британскому музею для зарисовки и публикации в «Numismatic Chronicle». В это время, узнав, что мистер Берч писал статью на данную тему, я с нетерпением ждал ее выхода. Но, увы! до сих пор тщетно. *Rusticus expectat dum defluat amnis at ille labitur et labetur in omne volubilis oevum*¹.

Я полагаю, что здесь целесообразно поместить изображение двух других римских монет из Честерфорда: первая – редкий экземпляр, медная, второго периода, Антония Пия, на *реверсе* сидящая Британия, очень сходна с современным образцом монеты Вильгельма III. Вторая, тонкой работы, ауреус Лициния (хотя я никогда сам не был достаточно удачлив в находках монет из драгоценных металлов), за подлинность которой я могу поручиться, поскольку у человека, ее нашедшего, собственно в момент находки в Честерфорде ее приобрел мистер Фрай (Frye) из Саффрон Уолдена (Saffron Walden), великий антикварий и человек, особенно интересующийся римскими древностями. Здесь позвольте мне заметить, что я премного обязан сему джентльмену за то усердие, с которым он послужил пополнению моей коллекции, равно как и его точному перу за изображения монет, с которых сняты гравюры, здесь представленные. Он, в самом деле, неутомимо искал и добывал, и отказывался в мою пользу от различных диковинок, а экземпляры его собственного кабинета дополнили мой музей многими древностями, выкопанными поблизости рабочими, нанятыми им для изысканий, и свету явились многие из тех вещей, которые иначе покоились бы в забвении или остались бы в лагере Camboritum. Именно таким людям, побуждаемым, как он, истинной любовью к поискам древностей, археологический мир обязан своими знаниями и сохранностью многого

¹ «Ведь, кто жизнь упорядочить медлит, он точно // Тот крестьянин, что ждет, чтоб река протекла» [2, с. 326].

из того, что иначе или было бы потеряно, или бы прошло мимо случайных и поверхностных исследователей.

Монета Лициния: увенчанная лавровым венком голова императора – *аверс*; легенда: ‘L I C I N V S: P: F: A V G:’. *Реверс* – император, стоящий в военном обмундировании: дротик в правой руке, держава – в левой, на каждой стороне пленник, сидящий на земле, по окружности легенда: ‘V B I Q U E V I C T O R E S:’, в рамке: ‘P: T: R:’. Хотя, как я уже рассказывал, ни разу не удалось мне найти золотой монеты, вышеупомянутый мистер Фрай поведал мне о двух найденных в Честерфорде, приписываемых Кунобелину, я отношу их к ранней Британии, как и ту, что принадлежит Фуллеру Мейтленду, эсквайру, и льщу себя надеждой, что скоро у меня может появиться возможность установить ее подлинность, самостоятельно ее осмотрев. Первая находка в Боро Филд, Честерфорд, совершенная осенью 1845 г. и весной 1846 г., содержит 372 римские монеты, включающие 9 серебряных денариев: 12 медных первой группы; 23 – второй, 328 – третьей.

Серебряные

Домициан, *Реверс* – Виктория стоящая; Imp: xxii.; Cos: xvii.; Cens: p. p. p.

Антонин Пий, *Реверс* – женская фигура, стоящая, с венком; Cos: III.

Антонин Пий, *Реверс* – Женская фигура, стоящая, облокотившись на штурвал, с венком. Tranquillitas Aug.

Антонин Пий, *Реверс* – Две ладони в рукопожатии. Cos: iiii. Очень тонкой работы.

Постумий, *Реверс*, – Юнона Монета, стоящая со своими Атрибутами. Монета: Aug.

Север Александр, *Реверс* – Монета, как выше. p. m., t. g., p. ii., Cos. II., p. p.

Юлия, *Реверс* – Фортуна со штурвалом. Julia Augusta.

Септимий Север, *Реверс* – Виктория, стоящая, с надписью на щите. Victoria.

Юлиан, *Реверс* – Внутри венка, VOTIS XXX MULTIS XXXX. Внизу, Con: M: M: Константинополя. Данная монета, по всей видимости, отчеканена поверх другой.

ПЕРВАЯ ГРУППА

12 медных монет

5 Адриана

1 Коммод Антонин

1 Адриана Августа

1 Веспасиан

1 Траян
1 Антонин Пий

1 Максимин
1 Луций Элий

ВТОРАЯ ГРУППА

В количестве 23 штуки

2 Август
5 Домициан
4 Антонин
1 Максимин
1 Луцилла (жена Вера)

3 Адриан
1 Тиберий
1 Констанций
3 Траян
2 Тит

ТРЕТЬЯ ГРУППА ИЛИ МЕЛКИЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ

Огромное количество или 328 штук

66 Констант
34 Грациан
64 Тетрик старший и младший
одна очень редкая
33 Константин Великий
12 Констанций
1 Север Александр
11 Клавдий Готик
1 Север
1 Максимин
4 Салонина Salonina
16 Urbs Roma
2 Константин, младший
3 Лициний
tinopolis
4 Crispus Nobilis
9 Караузий

4 Юстиниан
5 Галлиен
1 Флавия (жена Констанция)
1 Веспасиан
6 Викторин
13 Валент
1 Магненций
12 Валентиан
3 Постумий
6 Аллектий
1 Клавдий
1 Юлиан II
7 Константинополис Constantinopolis
4 Проб
2 Кунобелин

Необходимо добавить несколько наблюдений относительно обнаружения, положения и сохранности данных монет, и заключение вышеизложенного списка представляется для того подходящим местом.

Во-первых, никакое количество монет, ни даже клад, не были никогда обнаружены *en masse*, а потому ничего не наводит на предположение, что они были целенаправленно спрятаны или закопаны: ни как сокровище, ни как тайник, – как раз наоборот. Солдаты, напротив, кажется, разбрасывали монеты по всей территории одинаково щедро. Я ни разу не слышал, чтобы монеты находили в горшках, хотя фрагменты последних были повсюду перемешаны с медью. Должно быть, монеты были, если можно так выразиться, как бы посеяны в почву, но зачем или

для какой цели — остается скрытым под покровом тайны, и никто еще не предложил удовлетворительного объяснения, хоть и высказывалось множество предположений. Пожалуй, лучшее и самое простое объяснение состоит в том, что существовала традиция на ежегодное празднование дня рождения императора выкапывать ямы и устанавливать туда его знамя, вокруг которого каждый воин бросал свои монеты, в виде обета — на счастье. Но в таком случае не оказались ли бы все монеты рядом вместо того, чтобы быть разбросанными, как упоминалось выше, на расстоянии в несколько сотен ярдов друг от друга? Признавая данную гипотезу несостоятельной, мы все так же остаемся в неведении, почти не надеясь пролить свет на эту проблему, разве что случайно.

Второе. Что касается состояния монет, несколько в очень хорошем состоянии и чистые, с четко отчеканенными головами и хорошо сохранившимися легендами, но почти все несут очевидные следы огня: одни слегка обожженные, другие же настолько сильно подверглись воздействию пламени, что практически сплавились, даже до окарины, друг с другом и с углем или материалами, из которых, как мы предполагаем, составлен был костер. Все гончарные изделия, по всей видимости, тоже побывали в огне; объяснения этому я никакого предложить не могу, разве что во время жертвоприношения одну или несколько монет могли поместить в сосуд, предназначенный для подношений в виде плоти или костей. Все это через определенный промежуток времени, прогорев до конца, выбрасывалось на землю, чтобы показать, что божество ни в чем не обмануто. Так монеты могли расплавиться; фрагменты керамики, черной, и частично разбитой, кости и клыки кабанов, олени рога и устричные раковины, перемешанные между собой, — вся эта разнородная смесь — прекрасное тому доказательство. Рискнув принять это предположение, лучшее, что мы можем теперь предложить, вернемся к керамике. Список реставрированных изделий приложен ниже, с сопутствующими комментариями к самым достойным из них.

1. Большая амфора, в форме улья, найдена во фрагментах, вперемешку с многочисленными костями какой-то птицы, предположительно петуха, которого приносили в жертву богу Эскулапу, что было проверенным средством излечения одного или нескольких больных. Таковые случаи уже имели место, и один из них явно сходен с описанием того, что произошло в Уилтшире. Об этом я узнал из обзора, любезно предоставленного мне Сэром Джоном Болё (Sir John Boileau), детально описавшим случай из собственной практики. А также в Вестнике Археологического института, том II, стр. 255, опубликована гравюра сосуда, сходного с моим во всех основных чертах, разве что более точной

формы. Он, очевидно, использовался в перевернутом положении, вероятно, для кипячения или варки пищи: огонь разжигался вокруг него, он же поддерживался подпорками с другой стороны, для устойчивости. Или, в ином случае, в нем могли хранить вино или другую жидкость, его огромный размер препятствовал частому перемещению. Размеры сосуда, расположенного на другой гравюре, найденной в Честерфорде, следующие: высота – два фута; ширина в широкой части – шесть футов; диаметр – двадцать дюймов с четвертью; глубина внутренняя – двадцать два дюйма с половиной; ширина верхней части горловины – двадцать пять дюймов; диаметр ее же – восемь дюймов с четвертью. Отсюда следует, что его, вероятно, не закрывали, возможно, кусок тонкой клеенки или подобного материала был натянут поперек. Во время использования отверстие располагалось обычно наверху, в безопасном положении, чтобы содержимое не вылилось.

Мы переходим к следующему сосуду, три четверти которого в идеальном состоянии и чрезвычайно любопытны, антикварианты считают его в своем роде драгоценностью. Я называю его «кадильница», поскольку так его определил Археологический институт. При обнаружении он состоял из пяти или шести фрагментов, лежащих в одной из ям, описанных выше, вместе с монетой Веспасиана второй группы, костяной булавкой, железным стилусом и другими керамическими фрагментами. Вот что известно о его происхождении: прилагаю мнение, высказанное о предмете Археологическим институтом, столь четко описанное в сообщении С. Ньютона, эсквайра (С. Newton, Esq.), что я не могу сделать ничего лучше, как предоставить ему слово:

Терракотовый сосуд в форме чаши, судя по цвету материала, месту и обстоятельствам его находки, римский. Возможно, это кадильница [Thuribulum. Илл. 2], или сосуд для благовоний, или для обрядовых целей. Его общая форма являет столь поразительное сходство с саксонскими и норманнскими чашами Англии, что весьма вероятным делается предположение о том, что эту форму раннехристианские мастера скопировали с языческих образцов. Множество примеров подобного приспособления языческих предметов религиозного назначения можно встретить и в романском или норманнском периоде искусства.

THURIBULUM.

Илл. 2. Кадильница

Данную идею подтверждает и тот факт (сообщенный мне преподающим Е. Паркером (*англ.* Rev. E. Parker)), что чаша, ныне используемая в одной из церквей Рэдинга, найденная среди руин древнего аббатства и отреставрированная, очень схожа по форме и отделке с тем небольшим сосудом, о котором мы рассказываем.

Далее следует небольшая патера из красной глазурованной римской глины, почти полная копия той, что описана в Вестнике Археологического института, том II, стр. 254. К этому авторитетному источнику я и буду далее обращаться, делая различие только в имени гончара, поскольку, хоть на моем сосуде разобрать его уже нельзя, оно точно составлено из других букв. Патера в прекраснейшем состоянии – диаметр горлышка три дюйма; днище – два дюйма с четвертью; высота – один дюйм и три четверти.

Другая патера почти идентична предыдущей, но меньшего размера, и очертания ее различны по сторонам, немного искажены: диаметр верхней части – три дюйма; высота – два дюйма. Клеймо гончара: римская фигура, VIII и A.

Черная патера из тонкой глины; ширина – двадцать четыре дюйма; диаметр – восемь; глубина – два, никакого клейма.

Двуручная амфора в форме кувшина, очень большая и тонкой работы, из обычной глины; глубина – семнадцать дюймов с четвертью, окружность горлышка – пятнадцать дюймов; окружность самой широкой части – сорок дюймов с четвертью, горлышка – четырнадцать дюймов; ширина обода – один дюйм и одна восьмая.

Пара ваз из черной глины явно сделаны как кубки для питья, с глубокими выемками по бокам, чередующимися с рельефным орнаментом, будто бы для того, чтобы надежно удерживать ее в руках – пожалуй, при некоторых обстоятельствах необходимая предосторожность. Они меньше в основании, чем в верхней части, которая выдается на три дюйма, основание диаметром в два дюйма, верхняя часть – три, а где выемки – два и три четверти: обе очень благообразные, и их не сочли бы неприглядными даже в наше время.

Плоская красная чаша из самосской глины, действительно тонкой работы, звучит как колокол. Диаметр дна – четыре дюйма, верхней части – девять с половиной, высота – четыре дюйма с четвертью.

За исключением небольшого черного погребального сосуда, найденного в районе Боро Филд, вместе с тремя черепами и серебряным денарием Юлия, изложенное выше охватывает самые характерные черты гончарных изделий, обнаруженных в этот период. Оставшиеся двадцать находок являют собой полное разнообразие форм и размеров: сосуды и вазы, черные и красные, в более или менее хорошем состоянии, вместе с многочисленными фрагментами, из которых я отобрал несколько, очевидно лучших, в качестве образцов, главным образом лепные, из самосской глины, со сценами охоты на льва и тигра, а также на оленя и зайца, кулачный бой и т. д., одно небольшое лицо из красной керамики, прекрасно исполненный, по всей вероятности это пенаты.

Здесь завершается список домашней утвари, найденной в это же время, состоящей лишь из инструментов, булавок, стилусов и т. д., которые мне предстоит описать. Предназначение некоторых из них ни я, ни кто-либо другой, более способный, не смог до сих пор объяснить.

Итак, мы продолжаем отчет: 9 железных и 4 бронзовых стилуса, 30 костяных шпилек, такие обыкновенно использовались для волос, 1 стеклянная бусина, 3 бронзовых браслета и три бронзовые булавки, 1 плоское серебряное кольцо, судя по размеру, принадлежавшее женщине, 2 бронзовых кольца, в неидеальном состоянии, даже не в хорошей сохранности, несколько других разбитых и, очевидно, не предназначав-

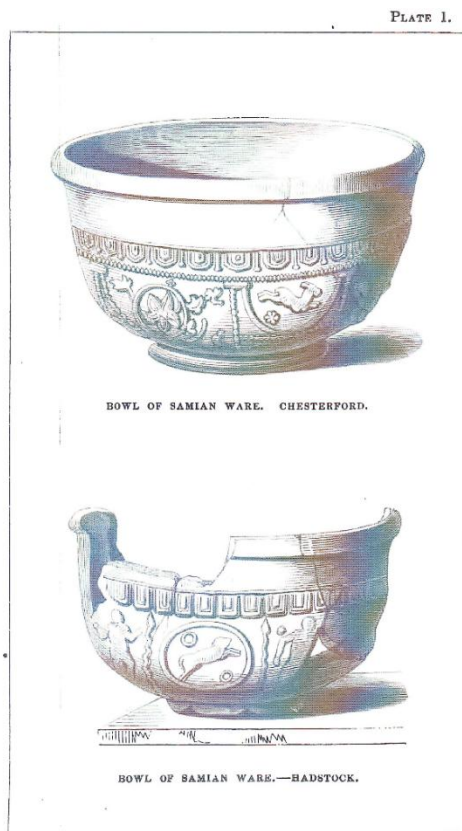
шихся для пальцев. Также спиралевидный фрагмент кости, с дырочками, по форме напоминающий часть музыкального инструмента, части различных бронзовых украшений и не поддающиеся определению инструменты, слишком многочисленные для подробного описания, но зарисованные в качестве образцов, узорчатая фаянсовая фишка, очевидно для какой-либо игры, гири для весов из того же материала, костяные амулеты, бронзовая фибула и четыре железных ключа, два из которых очень искусные.

Прежде чем поставить точку в данном вопросе, я не могу обойти вниманием находку, которую я полагаю очень любопытной, найденную в этом же месте, но не моими людьми, – *римский* орел из свинца, так я должен до сих пор его именовать, хотя и знаю, что вышеуказанное происхождение поставлено под сомнение специалистами из Британского музея. В поддержку мнения, сформировавшегося явно вопреки высшему суждению, можно привести несколько весомых причин, включая отрывок из Сборника Кембриджского археологического общества № 10, относящийся к римскому стеклу, находкам и т. д., откопанным в Шеффорде, Бедфордшир, преподобным Инскипом, среди которых был орел, совершенно точно соответствующий моему, сходный с ним даже в мельчайших деталях: «Свинец: из этого материала выполнен орел с распростертыми крыльями, семь с половиной дюймов в ширину, весом в три фунта. Лапы сложены вместе, а под птицей расположены два отверстия, судя по всему, для крепления на жезле. Когда-то он мог украшать верх знамени, но материал и следы коричневой краски или лака остались на нем, – признаки слишком неточные, чтобы предположить, что это орел легиона. И римский, и французский республиканский орел явно изображены так, будто готовятся взлететь, но не в полете». Наш экземпляр немного поврежден, у птицы отсутствует клюв. Также создается впечатление, что крылья прежде были покрыты позолотой. Прилагаю здесь короткую и простую историю, которую услышал, заполучив эту реликвию, так что пусть читатели сами составят мнение по этому вопросу, имея в виду лишь то, что истинность этой истории неоспорима. «Проезжая, – говорил мой осведомитель, – Боро Филд в Честерфорде, я увидел группу играющих детей, за ними волочился орел: нитка была обвязана вокруг его шеи. Я спросил их, и они ответили, что их отец (рабочий) вырыл его сам, непонятно на каком поле, и отдал им поиграть. Всегда готовый обнаружить и заполучить римские древности (достоверность такового утверждения мы можем признательно засвидетельствовать), я приобрел его за сущие гроши, несмотря на то, что не мог поручиться за его подлинность». И все-таки предположение это звучит

весьма правдоподобно: детям незачем придумывать историю на ходу. Мы считаем их рассказ правдивым: тот факт, что он был найден, окруженный римскими древностями, – это, по крайней мере, одно совпадение. Предположение подтверждается и подобным случаем в Шеффорде: одинаковы позы орлов, материал, из которого они изготовлены, вес, размер и даже покрытие. Необходимо также отметить, что честерфордский орел выставлялся одно время в музее города Сафрон-Уолден под тем же обозначением, что используется и сейчас. Поэтому я повторяю, что до тех пор, пока не будет предоставлено более основательного свидетельства обратного, или более весомые оппоненты не возьмутся за эту задачу, я должен буду настаивать на своем мнении о происхождении этого объекта и поддерживать утверждение, уже высказанное, что эта птичка, вызвавшая столько споров, – римская, вопреки всем выше процитированным мудрецам, чьи возражения, я полагаю, основываются главным образом на металле: свинец мало использовался римлянами. И даже этому можно частично возразить, предположив совершенно естественно, что бриганты, населявшие данную часть страны, вероятно, имитировали штандарты своих римских соседей. Согласившись с этим, мы могли бы датировать его периодом весьма близким или современным необходимому. Люди беспристрастные, однако, вынесут мнение самостоятельно.

Мои читатели, несомненно, простят меня за то, что привожу чужое описание другой честерфордской находки, которая была обнаружена не при моем личном участии, но, собственно, в той же местности. Речь о чрезвычайно красивой лепной чаше из очень яркой красной самосской глины, украшенной изображением сцен охоты на оленей и зайцев, перемежающихся с виноградными листьями. Такие украшения, кажется, были в моде у наших римских предков, если будем судить по многочисленным фрагментам гончарных изделий, содержащих символы охоты. Найденная четыре года назад в Боро Филд или в окрестностях, она была тогда в виде нескольких черепков, зато после была после аккуратно отреставрирована. На ней чудесная патина, а сосуд, сам по себе, в хорошем состоянии и представляет совершеннейший экземпляр, к тому же очень редкий и ценный, из числа самых искусных, что так редко встречаются, в отличие от поврежденных. В моей коллекции нашелся единственный образец: целый на три четверти, наиболее близкий к первоначальному совершенству, среди огромного разнообразия, украшенный земляничными листьями и ягодами, тонкий, у всех – особый, напоминающий кайму край. Размеры первой чаши следующие: диаметр – шесть с половиной дюймов, окружность – восемнадцать, глубина – три и три

четверти и высота — четыре дюйма. См. илл. в приложении, ее должно признать практически уникальной драгоценностью, одной из главных прелестей среди интереснейших предметов древности.

Илл. 3. Чаши из самосской глины

Состояние моего здоровья не позволяет мне заниматься тяжелым физическим трудом, и в июле 1846 г. в отсутствие лучшего занятия я развлекал себя тем, что обследовал несколько британских курганов, о существовании которых я узнал во время охоты с биглями прошлой весной. Расположены они между землями, недавно приобретенными моим отцом в Хейдоне, и деревней Триплов (Triplow), во владениях Пер-

кинса, эсквайра (Perkins, Esq.), в настоящий момент не достигшего совершеннолетия. Там обитал мистер Эллис (Ellis), самый усердный и страстный покровитель раскопок.

Описываю как место действия, так и сами мои действия.

БРИТТСКИЕ КУРГАНЫ

Среди обширных пространств, что первоначально составляли часть пустоши Триплоу-Хит и недавно отделились, стоит несколько тумулусов¹ на неравных расстояниях и разного размера. Традиция отнесла их (насколько я знаю, они не исследовались ни учеными, ни просто любознательными исследователями) к англосаксам, и результат раскопок в пяти из них подтверждает данное предположение. Начали мы с того, что выкопали траншею горизонтально к центру, шести футов шириной и около восьми дюймов ниже уровня земли. Первым предметом, достойным внимания, был небольшой фрагмент керамики, судя по всему, часть сосуда, которую из-за схожести в текстуре и клеймении с подобной, найденной при подобных обстоятельствах в Суффолке, я должен определить как раннебриттскую. Соприкасалась с ней лошадиная челюсть, и, достигнув самого центра, я наткнулся на еще одну челюстную кость и на очень хорошо сохранившиеся человеческий череп и кости: они, равно как и керамика, почти полностью обгорели, земля носила очевидные следы огня, больше там не было ничего значительного, кроме необычного, напоминающего вертел, предмета из кости. Дальнейшие поперечные раскопки не принесли ничего, но при засыпке мы нашли медную монету императора Валентина I в очень плохом состоянии. Тем не менее это нельзя считать критерием для датировки данного захоронения, так как римские монеты использовались в Англии еще на протяжении долгих лет, после того как завоеватели уже покинули страну. Придерживаясь мнения Е. Джоунза, эсквайра (E. Jones, Esq.), хирурга, скрупулезно изучившего найденные череп и кости, мы можем сделать заключение, что они принадлежали изящному молодому человеку в расцвете лет (вероятно, саксонскому воину). Кроме того, судя по здоровому виду и хорошей сохранности зубов, его настигла внезапная и жестокая смерть или, по крайней мере, он не был жертвой болезни, но после битвы обрел здесь покой вместе со своим любимым боевым конем.

Следующий курган был больше по размеру и по значимости, что давало реальную надежду на благоприятный результат, так как маловероятно, что столь высокую насыпь сделали бы без определенной цели.

¹ Купольная гробница в виде кургана.

Согласно сообщению, из него недавно, во время проведения сельскохозяйственных работ, выкопали два меча: находились они неглубоко. В длину насыпь больше, чем в ширину, копали непосредственно через центр, но обнаружили только горелые кости, землю и немного керамики. Поэтому я перекопал его, чтобы убедиться, что ничего не пропустил: я проявил усердие в изысканиях, к сожалению, не давшее результатов: дно бутылки из очень толстого стекла (более темного цвета и из еще более твердого материала, чем обнаруженная в Бартлоу Хиллз и в Честерфорде) и кость коровы были единственными находками этой высокой насыпи. В трех оставшихся удалось найти не больше: в одном был прекрасно сохранившийся человеческий скелет, фрагмент сосуда, очевидно хранивший сожженные человеческие кости, лошадиную кость и кость небольшого животного. Больше ничего особенного, хотя земля и была тщательно просеяна и исследована. Не обнаружилось ничего способного вознаградить любопытство антиквара или явить удовлетворительное предметное свидетельство его исследованию. Но по-прежнему, не впадая в уныние из-за повторяющихся неудач, имея перед глазами пример сокровищ, найденных в сходных курганах в Кенте и надеясь на удачу, я страстно желаю продолжать исследование других курганов, разбросанных вокруг сей местности, уповая на благоприятные обстоятельства, что, я верю, ждут меня в будущем.

Обнаружив, что я извлек столько пользы из своих раскопок в Кембриджшире и что они оказались столь полезным занятием как для ума, так и для тела, я соблазнился поисками нового поля для исследования и впоследствии остановился на Бартлоу Хиллз (Bartlow Hills) благодаря великодушному разрешению виконта Мэйнарда (Viscount Maynard), самым благожелательным образом давшего карт-бланш на раскопки или изыскания тем способом, который лучше всего согласовывался с моими планами. Результаты получились не слишком удовлетворительными, но перед их кратким изложением я познакомлю вас с несколькими замечаниями касательно местоположения данных курганов и их предположительного происхождения.

Народное предание (во многих случаях и там, где достоверные рассказы недостаточны, оно есть основание истории) издавна гласило, что насыпи обязаны своим появлением данам, что насыпаны они над телами павших в великой и кровопролитной битве между Кнудом (Canute) и Эдмундом Железнобоким (Edmund Ironside), при Ассендоне (Assendon). Это название легко сократить до Эшдона (Ashdon) или спутать с ним – это деревня в миле от места раскопок, – что, похоже, может подтвердить

эту теорию. В самом деле, это воспринималось как установленный факт. И если мы примем во внимание, что и поныне происхождение общих погребений покрыто тайной – или, хронологически рассуждая, антикваририи все еще спорят, где обозначить границу между погребениями бриттскими и римскими, англо-римскими, саксонскими и английскими, – таковое решение, принятое на веру, будет менее удивительно. Даже если их и исследовали сто пятьдесят лет назад, разумеется, поверхностно, народная версия все равно не подверглась бы сомнению, будучи подкрепленной бытующим в окрестностях мнением. Сейчас, однако, все совершенно иначе: после тщательного исследования этих прославленных курганов под покровительством позже скончавшегося мистера Гейджа Роуквуда (Gage Rokewode) и имея в виду мнение этого именитого антиквариия, основанное на осмотре содержимого, никто, я полагаю, не рискнет усомниться в их римском происхождении. Стоит также отметить, что, вопреки широко бытующему убеждению, в окрестностях нельзя наблюдать никаких следов датского вторжения, в целом довольно своеобразного характера, ни оружия, что должно было быть разбросано в огромном количестве при столь свирепых битвах. Лишь один предмет, как может показаться невеждам, может послужить тому доказательством – раннюю бриттскую золотую монету, найденную в Хэдстоке (Hadstock) (о которой мы еще скажем позже) – стоит интерпретировать совсем иначе.

Но вернемся к тому, о чем говорили: мне посчастливилось присутствовать при раскопках самого большого и центрального кургана (1835 г.), и я никогда не забуду волнение и любопытство, выказанные мистером Роуквудом, и явное восхищение на его лице, когда мы обнаружили первые признаки захоронения: пару бронзовых стригелей и фрагменты ларца или деревянного сундука, в котором они были спрятаны. «Великая тайна раз и навсегда раскрыта! – воскликнул он, – Что станется с датской теорией? Эти останки явно римские». Верное толкование, коему каждый дальнейший момент служил доказательством. В тот момент в небольшом искусственном подземном ходе помимо рабочих находились мой, к сожалению, уже усопший друг мистер Чэффинз (Cheffins), слуга лорда Мэйнарда (Lord Maynard) и я. Тогда и родилось мое бескрайнее благоговение перед римскими древностями, хоть с самого детства я и питаю интерес ко всему древнему. Стекланные сосуды необыкновенно тонкой работы, в превосходном состоянии, были особенно значимой находкой, и их не должно обойти вниманием, поскольку я верю, что еще предстоит установить точную дату создания

этих насыпей, а эти предметы не были особенно распространены, особенно в ранние годы существования Римской империи. Стекланные сосуды были также найдены в деревне Бартлоу (Bartlow), ныне во владении капитана Барнарда (Captain Barnard), как можно видеть в отчете о раскопках, опубликованном ранее мистером Роуквудом. Я бы хотел привлечь особое внимание к данному обстоятельству, так как за исключением горловины и ручки небольшой стеклянной бутылки, выкопанной в Боро Филд, во время моих раскопок в прошлом году ничего не было найдено в Честерфорде. Касательно керамики и других находок, они располагаются вокруг кургана, по большей части в той же пропорции, как и в непосредственно прилегающей местности. К ней древние люди были равнодушны, поскольку Хэдсток, что находится в пределах видимости Бартлоу и отделен от него лишь одной милей, был, несомненно, постоянной стоянкой латинов. Бесспорное доказательство тому, описание раскопок, я прилагаю ниже. Но было то до или после образования насыпей, будут решать более опытные и способные антиквари, судя по монетам и другим находкам, обнаруженным во время работ.

Дальнейшее свидетельство этой мнимой пристрастности присутствует в наших собственных примыкающих приходах, расположенных в восьми милях от вышеупомянутого места. Здесь едва ли, я полагаю, три поля полностью не являют следов прежних обитателей: почти везде находились бывшие римские мусорные ямы или следы пребывания ранних бриттов. Даже более того, они преследуют нас до самых дверей: англосаксонскую керамику недавно обнаружили в Уэндене, а римские фрагменты – во дворе, прилегающем непосредственно к дому.

Прошу прощения за сие отступление, мы же теперь приступаем к основному предмету, который можно описать несколькими словами и о котором мы бы вряд ли стали здесь писать, если бы это не давало нам возможности высказаться по данному интереснейшему вопросу – надеюсь, что читатели не сочтут, что мы слишком вольно воспользовались дарованной нам свободой. Почва раскапывалась весьма глубоко – это, равно как и внешний вид кургана, дало нам повод предполагать, что находки будут изобильными. Результат, однако, подтвердил только ошибочность всех человеческих расчетов: обнаружить удалось лишь лошадиные кости, фрагменты керамики и искусную медную монету третьей группы «Urbs Roma».

Примерно в это время до меня дошли известия о существовании римских поселений в соседнем приходе Хэдсток, я быстро свернул свои

бесплодные исследования и направил будущие усилия к полю, обещавшему больше находок. В деревне, несомненно, присутствуют следы раннего ее происхождения, равно как и заметные знаки существования там соответствующего поселения.

Начнем с церкви, очевидно, очень древней, что заметно по ее квадратной башне (в отличие от круглой башни в Бартлоу), – мой уважаемый друг, выдающийся архитектор мистер Баклер (Buckler), объявил ее саксонской постройкой: этому джентльмену я обязан также за дальнейшие ценные наблюдения, приведенные ниже под соответствующими заголовками. Любящая чудеса толпа почитает это священное сооружение с особым благоговением, поскольку со входом связан (*связан* в буквальном смысле) предмет, на протяжении столетий радовавший ее эстетическое чувство. Он заслуживает отдельного комментария. Это внешнее покрытие двери, желтое и твердое, сохраняемое из поколения в поколение до наших скептических времен, его праотцы, несомненно, более истово веровавшие в такие вещи, называли подлинной кожей дана. Этого несчастного, по всей видимости, заблудшего человека поймали его заклятые враги – саксы, содрали с него кожу и прибили к церковной двери как знак устрашения его соотечественникам, которые не хотели бы расстаться со своим земным покровом. Конечно, находится немало готовых поверить этой чудесной истории, и ни за что на свете не стали бы мы опровергать ее. Просто заметим, что на той части древних дверей, которую сняли в прошлом году и заменили на более крепкую, хотя бы выдерживающую местные погодные условия, действительно есть *что-то* желто-коричневого цвета и из грубого материала. Но подтверждает ли это происхождение, столь лестное для человеческой гордыни, определить мы не беремся. Часть подлинной двери сейчас находится у меня, и на ней можно видеть и гвозди, и дыры приличного размера, видимо, истязатели позаботились о том, чтобы эта несчастная часть смертного не воссоединилась с родной плотью. Благодаря любезности ректора, преподобного С. Таунли (Rev. S. Towneley), я также заполучил кусок кожи «того несчастного дана», и можно лишь добавить, что это непривычно плотное архитектурное украшение, и, должно быть, кожу тщательно дубили (придадим этому слову всеобъемлющее значение) и до, и после того, как она оказалась на двери. Подобная история связана с церковью Копсфорд, рядом с Колчестером, к счастью, это только второй случай, когда вход в место поклонения украшен столь странным образом, – определенно, сомнительный способ проиллюстрировать христианское правило: «отпусти и забудь».

Что касается представителей низших классов в данном приходе, создается общее впечатление, что они верят в то, что произошли от данов. Не зря небольшой пурпурный цветок, очень распространенный в этой местности¹, они называют *Danish blood* (англ. кровь данов), так же старшие жители называют и ягоды карликового растения. Тем не менее местность эта находится в центре римских земель: в миле от Бартлоу и в двух от Линтона. А дату основания Хэдстока с помощью нумизматического свидетельства установить не удастся, единственные обнаруженные монеты (не римские) включают в себя: одну золотую раннебриттскую, о которой уже шла речь, и пенс Генриха III – обе принадлежат мне.

Предполагаемые римские поселения, слух о которых и привел меня сюда, располагались на полпути между ним и Линтоном. Говорят, что там можно обнаружить мозаичный пол – весьма близко к поверхности, настолько близко, что его часто задевают плугом во время пахоты, от него в сухое лето ухудшается урожай, во время сбора которого мозаику становится хорошо видно. В то же время меня предупредили, что она не цельная, часть ее выкопали для ремонта дорог смотрители, которые, хоть бы и утверждали, что имеют датские корни, тем самым подтвердили свое готское происхождение. Тем не менее значительная часть того, что крестьяне называли «настил» (*flooring*) сохранилась, и вскоре я обнаружил доказательство, достаточное для того, чтобы всерьез взяться за раскопки. Далее я расскажу о частностях, исходя из того, что рассматриваемое поле находится на восточной стороне кургана, граничит с широкой, полной форели рекой, орошающей участок поля у подножья склона и в народе именуемой «Хэдстокский разлив» (*Hadstock water*).

Известное под названием «Заливное церковное поле» (*Sunkin Church Field*), оно, по-видимому, принадлежало монастырю, занимавшему ранее противоположный луг, поскольку никаких следов церкви не обнаружено на западном берегу, и на всем протяжении интересующей нас местности нет очевидных признаков, подтверждающих данное название. Как бы то ни было, благочестивые монахи, без сомнения, хорошо знакомые с рекой и ее содержимым, ничего определенного не могли сказать о мозаике, гораздо более древней. В идеале это должен был быть квадрат со стороной 9 футов, и даже по прошествии веков и частичном разрушении мне удалось спасти порядка шести футов и восстановить мозаику по рисунку мистера Фрая, сделанному перед извле-

¹ Речь о травянистой бузине.

чением. Составлена она из небольших камней в форме ромбов, отполированных сверху, их соединение в точности походило на шахматную доску: синюю с белым в центре, а по краям – красную с синим. Вперемешку с незакрепленными кусочками, напоминавшими кости для игры, нашлось огромное множество совершенно разнообразных красных плиток: некоторые были с узором, а у некоторых форма явно давала понять их предназначение – такие использовали для подогрева ванн. Среди мусора также обнаружена штукатурка, совершенно свежая, разного цвета и прекрасной сохранности. Все это может привести к заключению, что мы вошли, без приглашения, на виллу, где, очевидно, жил высокопоставленный человек – такое строение, я полагаю, составляло неотъемлемую часть любого римского лагеря. Если бы мы только могли поближе познакомиться с хозяином и его сокровищами, хотя бы с обстановкой его дома! Но увы, ни от него самого, ни от принадлежавших ему вещей не осталось почти никаких следов. Фрагменты керамики, небольшой сосуд черного цвета, элегантной формы и прекрасно сохранившийся, лошадиные кости, медные монеты третьей группы, Адриана, Констанца и Константина, серебряный денарий Севера Александра, костяные булавки, иглы и т. д. – вот и все признаки присутствия человека, его потребностей – в данном случае совершенно естественных. Часть ствола колонны, фундаменты стен или зданий были разбросаны вокруг в огромном количестве, и это подтверждало мою догадку о том, что нечто более интересное все еще таится здесь. Поэтому в самом начале нынешней весны я возобновил наступление на это поле и обнаружил следы еще двух мозаик: одна из более грубого материала, в ней используются более крупные фрагменты, чем в прошлогодней, отличается и орнамент. Ее удалось восстановить. Что касается второй, состояние фрагментов не позволило ее реставрировать. Флейта, или духовой инструмент в двух частях, уже привычный набор булавок и иголок, как костяных, так и бронзовых, два ключа, осколки зеленого стекла, медные монеты третьей группы, все исполненные весьма скверно, за исключением прекрасной монеты Аллекта, – всего этого снова было в изобилии, равно как и самосской керамики, глазурованной, но без узора. Что касается фундаментов, простиравшихся до самого края ручейка, мистер Бакли, тщательно их исследовавший, заверил меня, что они были так сильно повреждены при пахотных работах и других случайных обстоятельствах, что определить их истинное направление с какой бы то ни было точностью теперь невозможно. Имея в этой сфере богатый опыт, я также посчитал, что отсюда уже не извлечь ничего, кроме мусора, и потому из почтения к столь уважаемому специалисту оставил раскопки.

Обращение к заметкам напомнило мне, что я снова должен сопровождать моих читателей в Честерфорд, на место былых раскопок, обзор которых должен был бы, собственно, предшествовать последним в Хэдстоке. Поле, к которому мы подступаем теперь, расположено, насколько я могу судить, непосредственно за стенами римского поселения, совсем близко к месту, которое Стакли назвал «*Templi Umbra*»: несколько ироническое название, которое можно перевести как «призрак храма». И все-таки если мне когда-нибудь посчастливится получить разрешение на то, чтобы исследовать его, я надеюсь извлечь многое и представить это как форт или здание, на которое указывал Хорсли. Ничего так не отнимает надежду, как самый первый взгляд на поле, даже не чернозем, как это часто бывает. Но раннебриттская монета – о такой еще ничего не писалось – поспешила показаться, словно стремясь рассеять все дурные предчувствия. Здесь изображены (см. илл. 12–13): *аверс* – голова Кунобелина в шлеме; *реверс* – бой козлов, она из веруламийской серии¹, на ней – буквы ‘V E R’ в рамке. Мистер Хокинз (Hawkins) из Британского музея заметил, что эта монета очень редкая и ценная, она даже не включена в Национальную коллекцию, скопирована, очевидно, с греческого образца, прекрасно исполнена и хорошо сохранилась. Эта и другие бриттские монеты, которые я имел удачу явить свету, все рельефные, кроме изображенной на илл. 1, пatina тоже удивительно прекрасна.

Еще о монетах, две сходные мы не можем пропустить, одна не опубликована, *аверс* – голова правителя; *реверс* – козел. На другой – изображение лошади и обычные атрибуты раннебриттских монет. Обе найдены в Честерфорде, но не вместе.

Следом стали появляться скелеты и кости в огромных количествах вместе с горшками, урнами и т. д. различных форм и размеров, и все в прекрасном состоянии. Более двадцати находились почти вплотную друг к другу, включая амфору и чашку (*rosulum*) своеобразной формы. Я был приятно удивлен, когда, посетив в тот день раскоп, нашел их целый полк, разложенных в боевом порядке, обычного размера, учитывая их высоту, но не формы, поскольку некоторые выглядят значительно круглей своих собратьев. К таковым принадлежали преимущественно погребальные урны, это подтвердило и их содержимое: никакого советника не кормили черепаховым супом лучше, чем эти урны – пеплом.

¹ Веруламий – город в Британии эпохи Римской империи, нынешний Сент-Олбанс (Хартфордшир).

Главным образом это были урны, предназначенные для похорон, хотя многие, очевидно, предполагались для домашнего использования. Немало использовалось и для жертвенных нужд, среди них должно упомянуть превосходную пустотелую красную патеру вместе с несколькими черными – меньшего размера. Несомненно, они были созданы для того, чтобы собирать кровь жертв, зарезанных на алтаре. Мы обнаружили, что Эней использовал их таким образом, совершая обряд жертвоприношения, перед тем как спуститься в подземное царство, –

«...*tepidumque cruorem, excipiunt pateris*».

Энеида, книга VI¹

Мы исследовали содержимое и обнаружили, что одна из урн поглотила тонкой работы фибулу и, судя по состоянию фрагментов, уже хорошо ее переварила. Речь об огромной черной чаше, редкой формы, более всего подходящей, по современным представлениям, для принятия особого увеселительного напитка, именуемого пуншом: рецепты для его приготовления, равно как и для приготовления других ароматных напитков, были, вероятно, в каждом римском хозяйстве. Вспомним, например, приведенное Горацием графичное описание столов, что ломается от яств, в домах богатых людей:

«...*Ut Nasidieni juvit te coena veati*»²

На этот вопрос он отвечает:

*Sic ut mihi nunquam invita fuerit melius*³

Затем следует длинный список лакомств, среди прочего перечисление разнообразной рыбы –

Conchylia pisces

*Longe dissimilem noto celantia succum*⁴

(разделанная рыба?) – примечательный своим блеском. Мы знаем, что они были прекрасными знатоками устриц, смотри того же автора:

Ostrea Circaeis,

*Miseno oreuntur Echini*⁵

Факт этот подтверждается тем, что на территории Британии нашли множество раковин устриц и следов прочей рыбы. Тому, что чаши свободно использовались, мы тоже можем привести авторитетное доказательство:

¹ «...собрали // в чаши теплую кровь...» [1, с. 247].

² «... Хорош ли был ужин счастливица Назидиена?» [2, с. 314].

³ «... В жизнь мою, право, // Лучше не видывал я!» [2, с. 314].

⁴ «Рыбу и устриц // Вкус их совсем был не тот, какой мы всегда в них находим...» [2, с. 316].

⁵ «...цирцейские устрицы... // Еж водяной – из Мисена...» [2, с. 298].

*Et calices poscit majores*¹

Что, взятое вместе со списком блюд, показывает, что римляне были очень искусны по части кулинарии. Один из сосудов, красная амфора очень тонкой работы, содержал кости трех кротов. Я не берусь определить, принесли ли их в жертву или они попали туда случайно во время своих подземных странствий (именно так посчитали бы сами римляне: «Atque oculis captae fodere cubilia talpae»²).

Кости свиней, коров и лошадей (последние не предназначались к столу) находились повсюду близко к поверхности, где вскоре удалось обнаружить большое количество гончарных изделий. Лежащие рядами – их было целых 55 штук! – все они были изготовлены из одного материала, но были разной формы и размера. Стоит также отметить, что по большей части находились они не глубоко, две – всего в шести дюймах от поверхности: их, очевидно, повредили плугом. Остальные находились на глубине от двух до трех футов.

Пожалуй, нечасто находили так много глиняной посуды совершенно без клейм мастеров. Изделия из красной глины сохранились лучше, хотя больше было изделий из черной, и только на двух был орнамент. Их очень точно и умело изобразил мистер Дж. М. Янгмен (Youngman) из Саффрон-Уолдена. Его замечательные рисунки различных сосудов, урн и т. д. во время выставки в Антикварном обществе вызвали у всех исключительно удовольствие и одобрение.

Касательно скелетов, похоже, что не было никакого порядка в их погребении, только урна почти всегда была поблизости от тела. Найдено их было тридцать, из них два – детских. Не принимая во внимание вышеописанные монеты, а также бронзовую монету Домициана второй группы, медные монеты Urbs Roma, Нервы, Констанция третьей группы, можно сказать, что поле почти не обнаруживало следов жизни наших римских предков. Тем не менее, исходя из данного обстоятельства, а также имея в виду всю найденную керамику, справедливо будет предположить, что жили здесь в основном представители низших классов. Малое количество найденных здесь монет, к сожалению, не позволяет точно установить датировку.

Поле по форме напоминает параллелограмм и насчитывает лишь восемнадцать земельных вех в направлении долготы от дороги Лондон – Кембридж. Место погребения, как представляется, располагалось в центре, поскольку обнаруженные сосуды и тела образовывали как бы

¹ «И спросили бокалов больших» [2, с. 315].

² «Либо лишенные глаз кроты себе нор понароют» [1, с. 80].

полосу в середине поля. Несмотря на небольшую площадь, места оказалось достаточно, чтобы вместить бранные останки человека и его утварь (более долговечную, чем он сам). И как бы ни жили обитатели этого места прежде, здесь они упокоились в тесном союзе: невзирая на пол, возраст, чины, смерть уравнила всех.

В этом поле, весьма плодородном для раскопок, нашлось очень мало фрагментов: все керамические изделия на удивление хорошо сохранились. Не обнаружено также никаких подобных железных инструментов, что я обычно находил прежде. Монеты, повторим еще раз, тоже скудно представлены, да и то главным образом небольшие и медные, к тому же почти все поздние, исключение составляет бронзовая монета Домициана второй группы, которую я упоминал выше. Монету эту я, к несчастью, потерял – все это тем более досадно, что монета была превосходная.

Когда поле было раскопано уже на треть, грунт вдруг стал пустым, от прежних обитателей не сохранилось и следа, так что продолжать раскопки не имело смысла. Мы лишь прокопали несколько ям в разных частях поля, чтобы убедиться в том, что почва везде такая же.

В заключение уместно будет добавить несколько замечаний относительно характера погребений, который, по крайней мере для моего неопытного взгляда, остался в итоге неясным. Хотя, без сомнения, другие, более сведущие, смогут понять и объяснить это удовлетворительно.

Во-первых, скажем насчет расположения: могильник находится за поселением, в непосредственной близости к наружной его стене, что согласуется с обычаями и традициями римлян. Но как следует объяснить тот факт, что глиняные сосуды с горелыми человеческими костями обнаруживаются там рядом со скелетами, выложенными в полный рост? А ведь именно так и было: очень часто мы находили тело рядом с заполненным сосудом – удивительнейший факт, совершенно нас озадачивший. И даже если допустить, что существовал обычай предавать огню лишь часть тела, то у скелета, находящегося рядом, должно было чего-то не хватать. Мы же находили цельные скелеты. Допустить, что скелет или урну положили уже в более поздний период, тоже нельзя, потому как захоронение было бы тогда нарушено, выглядело бы беспорядочно, обнаруживало бы признаки вмешательства. Тем не менее мы ничего подобного не засвидетельствовали. Исключительным представляется то обстоятельство, что ни на одной из 55 урн, найденных здесь, нет гончарного клейма, тогда как каждый фрагмент красных чаш, обнаруженных в соседнем поле (наше поле находится между ним и стеной),

был с клеймами. Хорошенько все взвесив, припоминая и британские монеты, найденные тут же, мы можем сделать вывод лишь отрицательного свойства: данное захоронение, каким бы оно ни было, не *чисто* римское.

Но я отошел от темы, пожалуй, слишком далеко, со своими дилетантскими замечаниями, а потому поспешу к другому раскопу – к полю, принадлежащему тому же владельцу, мистеру Барнарду, на противоположном берегу реки Кам и за пределами юго-западной стены городища. Но, скудное на находки, оно дает мало пищи для комментария: обнаружены керамические черепки, главным образом черные и красные, несколько фрагментов лепных самосских чаш и несколько грубо сработанных и в плохом состоянии медных монет третьей группы. Об этом поле и о качестве его почвы мой главный рабочий очень точно сказал: «никогда не встречал такой голодной почвы, она проглатывает все подряд».

Во время строительства железной дороги Ньюмаркет-Честерфорд, инженер которой любезно предложил мне стать одним из первых ее пассажиров, я осмотрел большую часть местности на предмет своего интереса: в центре города в саду и рядом с ним, как и можно было ожидать от его расположения, были более богатыми на находки, они приведены в следующем списке: –

Монеты

Серебряный денарий Валериана

Вторая группа, медные (все прекрасной сохранности)

Констанций Хлор

Проб

Караузий

Агриппа

Третья группа, медные

Тетрик, в превосходном состоянии.

Род Константина и несколько других малопримечательных.

Небольшая монета Кунобелина, *аверс*: голова правителя; *реверс*: бык, стоящий под деревом; изображение имеется у Рудинга (том 3, вкладка 5, илл. 34).

Изделия из камня. Фрагменты резной чаши и большой фрагмент чаши с замысловатым орнаментом из земляничных листьев и ягод. Превосходный образец жернова или мельничного камня, в весьма хорошем состоянии, и наверняка (цитируя мистера Баклера) составлен из нескольких частей. Происхождение этих особенных камней, я полагаю, представляет предмет интереса для современных геологов и антиквариев: вероятно, они попали сюда из Германии, или столь же долговечный материал был прежде и здесь. Я, опираясь на собственный опыт, склонен верить последнему.

Из *железных предметов*: ключ и пара бронзовых щипчиков, последние заслуживают особого внимания: цепочкой к ним прикреплен инструмент для чистки ушей. Мистер Хоукинз сообщил мне о том, что сходная пара хранится в Британском музее – единственный подобный экземпляр, сохранившийся в Англии. Довольно любопытно то, что тот же прибор или его потомок широко используют и по сей день жители Константинополя. Выкопали также два человеческих скелета, но рядом с ними ничего не было.

Направляя тех, кто имел терпение сопровождать меня в моих изысканиях до нынешних в Честерфорде, рискну лишь выразить надежду, что эти заметки не будут сочтены слишком длинными. Ведь они предполагались лишь для друзей немногих, потому, естественно, я ничуть не волнуюсь за мой письменный дебют и не ожидаю, чтоб эти записки были способны одарить кого-либо удовольствием или полезной информацией, но в то же время, если хотя и в малейшей степени это кажется правдой, я буду в высшей степени удовлетворен. Часто при посещении рабочих, занятых на этом месте, мое воображение населяло древний город жителями: в мгновение поднимались из развалин стены, и вновь шагает по улицам гарнизон, а воздух наполняет боевой гул римских легионов, некогда захватчиков, а теперь защитников этих земель. Все в округе тоже оживляется: появляются мириады уже сельских жителей, тоже вооруженных. Если придется, они готовы дать отпор, и их потомки не уступают им ни на йоту: свидетельство тому – кровавые поля Витории и Ватерлоо! Но вдруг они исчезли, и тишина восстанавливает на земле свою безраздельную власть, и каждый шаг ее становится последним укрытием детям, что были ею рождены. Так бесконечно сменяют друг друга поколения, толпясь и толкаясь, стремясь к единой великой цели – к концу всего сущего. Как в видении Мирзы, описанного так великолепно на страницах журнала «Spectator» [4], живой поток, нарастая, заливает всю землю, стирая постепенно все следы традиций, образа жизни и языка прежде владевших этой землей. О! если бы только их тени могли возвращаться туда, где раньше они играли главные роли – где двигались, жили и любили, в свой краткий день – лишь мгновенье, чужаки у собственного очага, места прежде знакомые не ведают их больше. И дети их забыли свои корни, откуда есть пошли. Память о деяниях и словах, столь важных в жизни предков, живет лишь в рассказах, или в лучшем случае можно заметить иногда мерцание, совсем слабое и неяркое, сквозь завесу веков и традиций.

Но здесь и остановимся, не стремясь разгадать тайны прошлого, могила есть или должна быть храмом всеобщего почитанья, защитой от

ядовитого языка, клеветы и оскорбления, для человека неприкосновенной. И, если не *их самих*¹*, будем чтить хотя бы *память* о наших предках, и постоянно помнить, что очень скоро придет время, когда и мы ответим за ошибки нашей плоти и так же будем держать ответ перед нашими потомками, а потому не будем судить, «да не судимы будем». Могила излечит всякую вражду, и пусть она будет теперь надежной защитой для них, чье земное время истекло. Они были, а теперь их нет, так же будет и с нами.

«Явления временные и чувственные»², не воздействуют на них ни в малейшей степени, как если б никогда не существовали. И после всех забот, суматохи и хаоса полной событиями жизни, они –

Покоятся на ложе, что никогда не ведает утра –³

Спят сном, не ведающим пробуждения, но в одно мы веруем, что это их последнее и самое надежное прибежище. Позвольте нам оставить их неприкосновенными и опустить занавес забвения над жизнью наших праотцов:

*Ибо они пребывают в покое;
И хвала, и порицание звучат в их ушах
Одинаково, когда они глухи от смерти*⁴

¹ Мне пришло в голову, что мое нынешнее занятие и состоит в раскапывании могил, что кажется, противоречит данному мнению. И если винят меня в духе *антикваризма*, то лично я не беру бесцеремонно в руки черепа и кости, в том значении, как в «Гамлете»; напротив, «*Мои [кости] начинают ныть при мысли об этом*» – прим. Р. С. Нэвилла. [З, с. 226].

² «Things of time and sense» – строчка из гимна «Hast thou heard Him, seen Him, known Him», созданного Орой Роуэн (Ora Rowan, 1834–1879).

³ «In the bed that morning never knows –»

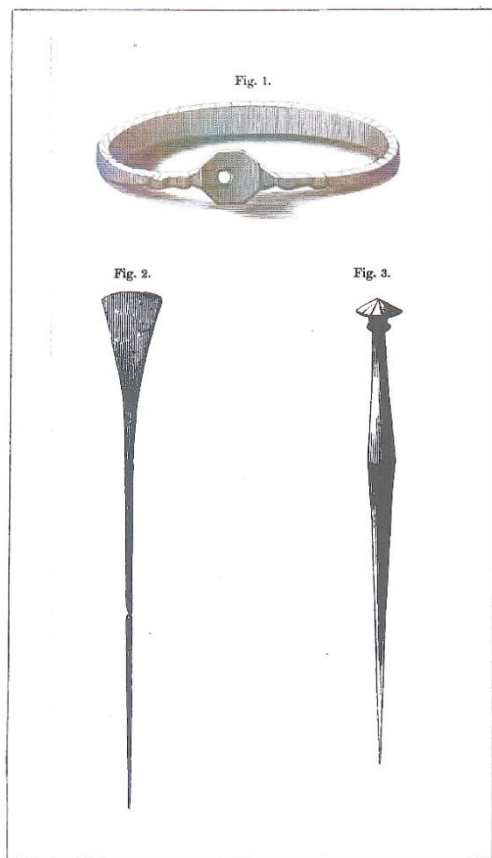
⁴ «For they are at rest;

*And praise and blame fall on their ears
Alike, now dull in death»*

Список иллюстраций
Вкладка VI

Илл. 1. Бронзовый браслет	Честерфорд
Илл. 2. Фрагмент бронзового стилуса	Честерфорд
Илл. 3. Костяная булавка	Честерфорд

PLATE 6.

Вкладка VII

Илл. 1. Пара бронзовых колокольчиков

Честерфорд

Илл. 2. Бронзовая фибула, следы присутствия драгоценного камня

Честерфорд

Илл. 3. Пара щипчиков и инструмент для чистки ушей (бронза)

Честерфорд

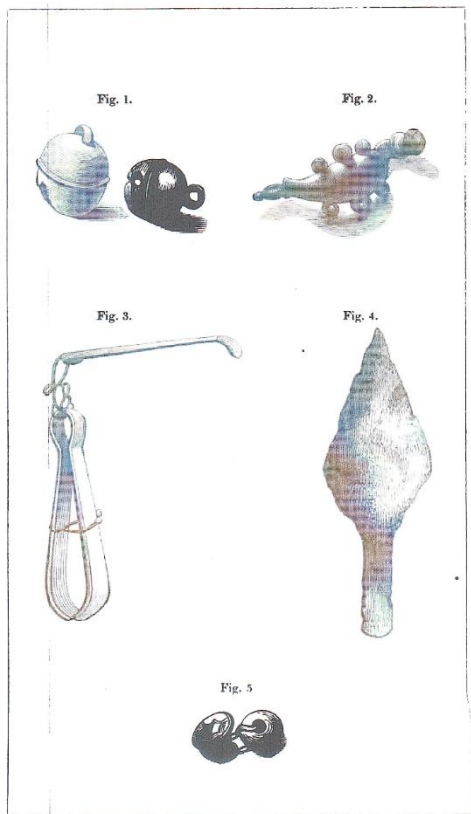
Илл. 4. Железное острие копья

Честерфорд

Илл. 5. Пара гвоздей с большой шляпкой, со следами стекловидной массы

Честерфорд

PLATE 7.

Вкладка VIII

Илл. 1. Железная шпора, XII в.

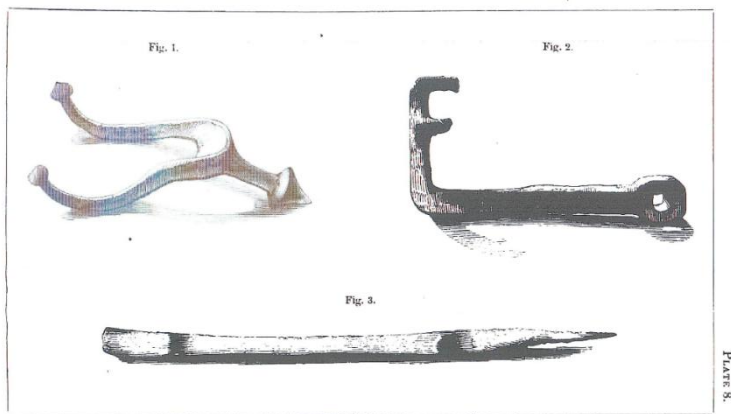
Честерфордское кладбище

Илл. 2. Железный ключ

Хэдсток

Илл. 3. Железный стилус

Честерфорд

Вкладка IX

Илл. 1. Костяная фигурка Геркулеса, очевидно, часть рукоятки ножа

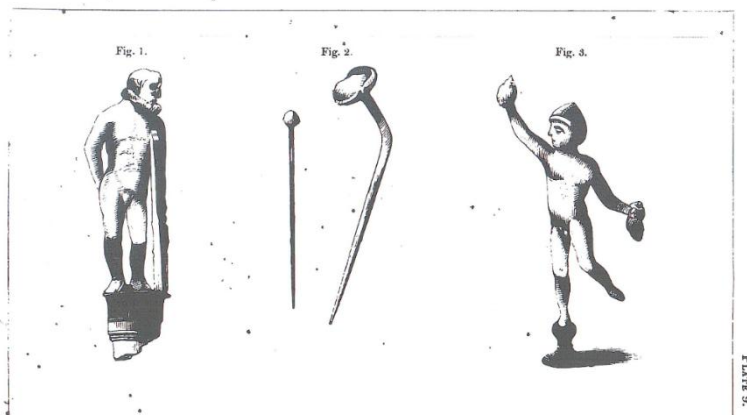
Честерфорд

Илл. 2. Две бронзовые булавки, одну втыкали

Честерфорд

Илл. 3. Бронзовая фигурка Меркурия

Честерфорд

Список литературы

1. Вергилий. Буколики; Георгики; Энеида / Вергилий. – М., 1971.
2. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания / Гораций. – М., 1970.
3. Шекспир, В. Трагедии. Сонеты / В. Шекспир. – М., 1968.
4. Addison, J. The vision of Mirza by “Spectator” / J. Addison // Spectator. – 1711. – Vol. 2. – P. 317–318.
5. Horsley, J. Britannia Romana, or The Roman Antiquities of Britain / J. Horsley. – London, 1732.
6. Medlycott, M. The Roman Town of Great Chesterford. East anglan archaeology report. № 137 / M. Medlycott. – Chelmsford, 2011.